

УДК 008: 130.2+7.01+929

МИРОВОЕ ИСКУССТВО В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Синичкин А. В.

В письмах и дневниках великого русского мыслителя В.И.Вернадского нередко встречаются заметки, рассуждения и анализ произведений отечественного и мирового искусства. В зарубежных поездках ученый не ограничивался только научными интересами, а, с оказией, посещал музеи, художественные галереи и памятники архитектуры. Данная статья посвящена характеру воздействия художественной культуры на формирование духовного облика естествоиспытателя, а также исследованию его эстетических вкусов и предпочтений.

Русская иконопись, западноевропейская живопись эпохи Возрождения, античная скульптура и архитектура Греции и Рима, классическая музыка и литература - наиболее значимые темы для обсуждения ученым на страницах эпистолярия. Рождение научных концепций, постоянный творческий процесс сочетался с погружением в мир искусства, формируя синтетический характер его творческой личности: теория, практическая работа по организации научной деятельности, чтение художественной литературы – русской, украинской, зарубежной, мир музыки, наслаждение природой – все сливалось воедино и находило отражение в эпистолярных текстах, особенно адресованным жене и детям.

Ключевые слова: Вернадский, эпистолярный текст, искусство, духовная культура, письмо.

Эпистолярное наследие многих деятелей культуры хранит записи о событиях их жизни, встречах, отношениях с друзьями, близкими, размышления о прочитанных книгах, путевые заметки, впечатления от увиденного — картин природы, городов, музеев и т. д. В письмах, дневниках оживают эпохи, ритм жизни отдельных людей и целых поколений, взаимоотношения современников и воспоминания о прошедшем. Это духовное наследие, которое доносит до нас саму атмосферу прошлого, живые образы людей различных времен, их мысли и чувства. Письма бережно хранились в семьях, архивах, образовав, по словам В. В. Розанова, «золотую часть литературы». Письма и дневники В. И. Вернадского выступают свидетелями бурного и сложного переходного периода начала XX века, и повествуют о непростых страницах научной и духовной жизни отечественной интеллигенции» [1].

Эпистолярные тексты В. И. Вернадского раскрывают не только глубину и оригинальность его научной мысли, но и широту кругозора, способность не только к логическому научному мышлению, но и к эмоциональному восприятию искусства. Именно в этих текстах проявляется проникновенность его лирических чувств, выразительность языка, точность оценок, эмоционально-художественное чутье.

Рассуждения об искусстве (литературе, музыке, живописи, архитектуре), в основном, имеют характер дневниковых записей и содержатся в письмах, дневниках, набросках отдельных мыслей, речей, статей. Эти фрагменты раскрывают то значение, которое имело искусство в жизни ученого, как оно способствовало формированию многоаспектной картины мира, пробуждало творческое вдохновение.

В письме другу юности В. В. Водовозову (от 22 октября 1888 года) Вернадский, размышляя об идеале народной жизни, замечает, что он формируется совокупной работой отдельных единиц, «в результате чего создаются «формы поэзии, такой несравненной, чудной», «достигается известное знание, выражающееся в иных законах, в иных идеалах, вырабатывается понятие красоты и многие другие...» [2, с. 305].

«Известное знание» и «понятие красоты» В. И. Вернадский извлекал из встреч с произведением искусства; знаменательно в этом плане обращение к духовному творчеству – искусству иконописи. В речи, посвященной памяти академика К. М. Бэра, одного из величайших естествоиспытателей XIX столетия, В. И. Вернадский обращается к духовному творчеству народа: «В русской иконописи и в связанном с ней искусстве открылось явление, длившееся столетия (от XIII до XVII века), – расцвет великого художественного творчества, стоящий наряду с эпохами искусства, мировое значение которых всеми признано. <...> Это древнее русское искусство, как сейчас ясно видно, могло возникнуть и существовать только при условии, что оно было тесно связано в течение поколений глубочайшими нитями со всей жизнью нашего народа, с его высокими настроениями и исканиями правды» [3, с. 314].

Находясь на стажировке в Мюнхене по проблемам кристаллографии и минералогии, В. И. Вернадский читает труды по капиллярности и с восхищением пишет жене, что «человеческий ум познал существование капиллярных сил под чудным небом дорогой моей Италии, и человек этот был один из самых лучших людей, величайших гениев – ученый, художник и общественный деятель – Леонардо да Винчи... Тутя! Если бы больше мне сил и знания!» [4, с. 125].

Посещая в 1889 году музеи Мюнхена и Берлина, Вернадский отмечает, что на него лучше всего действует художественный, эстетический интерьер, и как бы «новое спокойствие, какое-то непонятное укрепление» находит он в нем. «Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильным, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий». Рассматривая один из шедевров – две картины Альбрехта Дюрера «Четыре апостола», написанные им в 1526 году для Нюрнбергской ратуши и хранящиеся теперь в Мюнхенской Пинакотеке, Вернадский дает блестящее их описание в подробном письме жене, создающем иллюзию их видения и полного вхождения в

понимании глубины и сложности образов: «Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии» [4, с. 252–253].

Большое впечатление на молодого ученого произвели музеи Берлина. Он «услышал» здесь песнь о бессмертии, понял «желание человека найти удовлетворение и объяснение жизни и смерти», стремление к идеалу, к чему-то лучшему и высокому. В письме жене он подробно описал «Пергамские остатки» – фрагменты храма Зевса в Пергаме, относящиеся ко второму веку до н.э. Вернадский увидел в них «чудные, могучие остатки красоты», созданные великими греками, и ощутил свою связь «с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени». Это художественное совершенство, считает автор письма, несомненно связано с великими достижениями античной мысли – Аристотеля и других, т. к. «эта война гигантов с богами (имеется в виду фриз Пергамского алтаря – авт.) не могла быть создана там, где не было вообще научного, умственного движения». Вернадский отметил, что в Пергаме была когда-то знаменитая библиотека, составившая основу Александрийской. Это «движение мысли» – свободной, гордой, рвущейся вперед, – отразилось и в «греческих философских учениях».

Поражает глубина мышления молодого ученого, его проникновение в историю культуры. Сюжет Пергамского алтаря – битва богов с титанами, окончившаяся победой богов (победа была обусловлена тем, что титан Прометей стал на их сторону), вызвал, казалось бы, неожиданный ход мысли Вернадского: «Титаны не уничтожены богами, так как не могла быть ими тронута их мать (титаны – дети Земли, Геи – авт.). Первоисточник остался, и победа богов должна была быть поверхностной, как поверхностна была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления».

Знаменательно, что неразрывную связь греческой философии и искусства В. И. Вернадский называет синтезом. «Не то ли это самое, что заставило их (древних греков – авт.), на основании немногих данных, построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью?».

С июня по конец августа 1909 г. Вернадский совершал длительное путешествие по Западной Европе. В путешествиях, заполненных посещением геологических и минералогических институтов, музеев, университетов и т.д., Вернадский находил время для знакомства с художественными музеями, архитектурой, театрами; искусство во всех его проявлениях и формах всегда привлекало внимание Вернадского. Размышляя о законах человеческого творчества, он считал, что эти законы едины для религии, науки и искусства. И в этой поездке он посетил Дрезденскую галерею, Форум, Парфенон, Акрополь и т.д. Своими размышлениями во время посещения Форума в Риме он делился с Н. Е. Вернадской. В письме от 5/18 августа 1909 г. он писал ей: «Масса роится мыслей и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания и таких антикварно-художественных прогулок... Но какая-то внутренняя радость (творческая?) – прочитав биографию Гете я думаю, это испытали художники – идет внутри, и я ее чувствую, но не понимаю. Мне кажется бессознательно идет у меня какая-то «переработка вопросов внутренней космогонии» [5, с. 29-30].

Посещение Греции вызвало мысли о начале и законах развития творческого процесса: «Странным образом, я вынес много из Греции в той области, в какой не ждал – Афины и Олимпия – дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения – в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений».

И далее – размышления о закономерностях развития – взлетах и упадках, отказ от старого и поиски нового: «Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание старых путей, искание новых? Есть ли упадок результат причин психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?» [5, с. 36, 37].

В письмах к Н. Е. Вернадской отразилось формирование и проявление духовной сущности Владимира Ивановича, широты его взглядов, многообразия интересов. Рождение научных концепций, постоянный творческий процесс сочетался с погружением в мир искусства. Мы уже отмечали синтетический характер его творческой личности: теория, практическая работа по организации научной деятельности, чтение художественной литературы – русской, украинской, зарубежной, мир музыки, наслаждение природой – все сливалось воедино и находило отражение в эпистолярных текстах, особенно адресованным жене и детям.

«Опять душа рвется к бесконечному», – пишет он Наталье Егоровне из Италии.

Знаменательно, что В. И. Вернадский понимал и подчеркивал личностное начало в искусстве. В письме к Н. Е. Вернадской от 5 июня 1890 года он обосновал это положение: в искусстве личность проявляется гораздо полнее и глубже, чем в науке; искусство стоит ближе к человеку и оказывает на него гораздо большее эмоциональное воздействие: «...Манфреды и Фаусты удовлетворяют большему чувству, чем Ньютоны и Лавуазье, т.к. первые, в отличие от вторых, имеют возможность остаться и на веки личностями и в них получает в оживотворенной природе смысл жизни личности» [6].

Со своей стороны, и наука имеет свои преимущества перед искусством: она едина для всего человечества, не зависит от национальных и расовых различий; от этого же не зависит и восприятие научных истин, в то время как те или иные произведения искусства могут вызывать «совершенно своеобразные, небывалые впечатления»; наука «находится в состоянии прогрессивного изменения», чего нет в искусстве. Вернадский считает, что невозможно говорить об «абсолютном движении вперед» произведений искусства: например, Шекспира по сравнению с Данте или Эсхилом, или Гете и Толстого, по сравнению с Шекспиром». Ученый считает, что бесплодны попытки «искания прогресса, как единого процесса, в истории зодчества, живописи или музыки». Как пример: «...произведения старой духовной музыки, например, православной церкви, Палестрины, Баха, Бетховена, Чайковского одинаково высоки или могут быть высоки – подобно произведениям Гомера, Софокла, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина, Толстого» [7, с. 96].

Эпистолярное наследие В. И. Вернадского – письма, дневники, наброски – широко отразило эти мысли В. И. Вернадского, воплощенные в его впечатлениях, рожденных во время встреч с искусством различных стран и эпох.

Из всех видов искусства ученый выделял музыку, способную выразить тончайшие оттенки чувств и мыслей человека.

В тексте, озаглавленном «Мысли. 1920-1931», Вернадский отметил своеобразие музыки по сравнению с наиболее близкой к ней поэзией: «Мне представляется музыка глубочайшим проявлением человеческого сознания, ибо и в поэзии, и в науке, и в философии, где мы имеем дело с логическим понятием и словом, человек невольно и всегда ограничивает – а часто искажает – то, что он переживает и что он понимает. В пределе «мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). В музыке мы имеем неизреченные мысли. Если они и искажены, то другим образом. А может быть, они мало искажены?». Мыслитель считал, что «язык по существу не может охватить всей мистической стороны духовной жизни.<...> Музыка – это другой язык интуиции, а не логики» [7, с. 99].

Личный секретарь В. И. Вернадского А. Д. Шаховская свидетельствует, что Вернадский не только «любил искусство, особенно музыку», которую воспринимал глубоко и говорил, что музыка «помогает ему в работе мысли». По сути, об этом же писал Владимир Иванович своей внучке Тане 30 декабря 1934 года: «Я пережил не раз, слушая хорошую музыку, глубокое влияние на мою мысль». Интересное сопоставление находим и в письме Н. Е. Вернадской от 15 сентября 1890 года: наиболее близкой к музыке по эстетическому воздействию он называет математику – «красоту и изящество математических построений».

Письма В. И. Вернадского к жене отразили и любовь к природе, и размышления о «сегодняшнем» ее состоянии. Таково описание степных просторов, содержащееся в письме (июль 1890 года) из Кременчуга, данное в сопоставлении с поэзией Мицкевича: «Нет тишины и нет мощи природных сил, которые еще недавно были в степи, которые мы знаем по описаниям и можем восстанавливать на основании немногих, уцелевших уголков прежнего мира. Я не раз вспоминал одно из лучших, сжатых описаний степи, которое дает Мицкевич в одном из своих сочинений, и сравнивал его с теперешнею степью, обчищенной, пустынной, гладкою» [8, с. 77].

Вероятно, имеется в виду произведение А. Мицкевича из цикла «Крымские сонеты»:

Я вышел на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Уступы островов коралловых бурьяна...

Далее Вернадский описывает степь, представшую его взорам: несмотря на утраты, она тоже прекрасна! Описание сочетает поэтическую возвышенность и наблюдательность натуралиста – все это сливается в чувстве восторга перед красотой и многообразием природы:

«Но иногда степь и теперь хороша. Хороша она утром при восходе солнца, когда солнце низко над горизонтом, когда все предметы дают странные тени, когда солнечные лучи как бы (лишь) касаются конца видимого пространства. Тогда

просыпается жизнь. И ближе всмотревшись, ты всюду и всюду видишь. <...> А внизу на земле какое богатство форм, богатство особей, богатство жизни, борьбы...<...>

Ведь в этой жизни есть красота, есть она в форме, в красках – есть она и в самом своем ходе, в вечном изменении...» [9, с. 78].

Как не вспомнить гоголевское: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..»

Выше были рассмотрены особенности картин природы в эпистолярной В. И. Вернадского как одна из форм экфрасиса, что обусловило неповторимый характер его писем и дневниковых записей, раскрывающих его духовный облик.

Подтверждение нашей мысли о сочетании наблюдений ученого-натуралиста и восхищения красотой реальной природы находим в работе «Мысли и наброски», где Вернадский воспроизводит стихотворение Сюлли Прюдома «La Forme», как он отмечает, «полное глубокой мысли» (текст приводится на французском языке). Приведем отрывок в подстрочном переводе:

*...И содержание остается неизменным,
Пусть Вселенная волнуется или дремлет,
Ничто не портит его огромную массу;
То, что гибнет – цветок ли под солнцем –
Это лишь его изменчивая форма.*

*Но ведь форма – это весна!
Одна она гибка и красива,
Одна она нова,
В двадцатилетних формах
Лежит вечная материя!
О вы, которыми обнимаются влюбленные пары,
Гладкие руки, сочные губы,
Божественные тленные формы,
Соблазнительные и мучительные...*

Не удивительно, что запись сделана 2X/20X 1920 г. в Симферополе, указана даже улица – Госпитальная, 18. В. И. Вернадский увидел в этом стихотворении «...построение целого миропонимания».

Чувство восхищения и гордости родной природой сливалось с любовью к искусству – пейзажной живописью великих русских художников.

Так, в письме к Н. Е. Вернадской от 26 августа 1897 г. Владимир Иванович описал с восторгом посещение Третьяковской галереи с друзьями и знакомыми-иностранцами. «Меня самого поразило ее богатство, несомненно огромная талантливость русского гения, и я переживал хорошее чувство патриотизма, когда присутствовал при искреннем <...> чувстве удивления и восхищения». Особенно поразило яркое чувство восторга у замкнутого швейцарца Гейма при созерцании пейзажей И. Шишкина.

Восхищение богатством форм природы вызывает в то же время сожаление: «Мы знаем только малую часть природы...» Но и то, что знаем, считает молодой Вернадский (письмо к Н. Е. Вернадской 1887 г.), «мы знаем благодаря мечтам

мечтателей, фантазеров и ученых поэтов; всякий первый шаг делают они...» [10, с. 90].

Выше было отмечено, что эпистолярное наследие В. И. Вернадского отразило его впечатления от посещения музеев в Париже, Мюнхене, Берлине, Лейпциге, городах Италии и других местах. Искусствовед Л. Бородина в статье «Художественные и этические грани творческой личности В. И. Вернадского» отметила глубокие анализы произведений искусства, данные им в письмах-дневниках [11].

Посещая музеи городов Европы, ученый-естественник в письмах анализирует свои мысли и чувства. Так, в 1889 г. он пишет жене: «...на меня лучше всего действует художественный, эстетический интерес, и как бы новое спокойствие, какое-то непонятное укрепление нахожу я в нем. Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильным, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий» [Цит. по: 11].

Вернадский и музыка – это отдельная тема, раскрывающая духовный облик великого ученого, казалось бы, с неожиданной стороны. Наука, как говорил сам Вернадский, – область, где человек имеет дело «с логическим понятием и словом». Музыка – бессловесна. Но именно музыка вызывала глубокий отклик в его душе, рождала не только эстетические чувства, но и стимулировала работу мысли. Владимир Иванович считал, что только музыка способна «выразить невыразимое», создать «бессловесный язык», который сможет передать все «оттенки мысли» и переживания внутренней духовной жизни человека, которые не могут быть выражены обычным языком.

Неслучайно, обдумывая в 1884 г. программу своего развития, В. И. Вернадский записал в дневнике: «...Образованность ума; знакомство с философией; знакомство с математикой, музыкой, искусствами etc. [9, с. 47].

Дневниковые записи воспроизводят не только перечисление имен композиторов, произведения которых Вернадский слушал в России и за рубежом. Перечень этот обширен и многопланов: Бах, Вагнер, Бетховен, Моцарт, Лист, Шуман, Гайдн, русские композиторы – Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков и другие. Но это не просто отчеты о том, что прослушано и кто дирижировал. Записи В. И. Вернадского – это размышления, анализ, погружение в историю культуры. 26 октября 1890 г. Вернадский отметил: «Хочется вести не дневник, где бы можно было вдоволь копаться в своей душе, а наброски тех фактов, с которыми приходится сталкиваться, того дела, которое видишь кругом и в котором сам принимаешь участие.

Пытаться схватить отражение известных событий в окружающих и в ряде отдельных мыслей набрасывать отражение на своей личности» [9, с. 6].

Таковы мысли о произведениях композиторов XVIII века, прослушанных в исполнении пианиста и музыкального критика Д. С. Шорна. В дневниковой записи (Москва, 29 октября 1900 г.) Вернадский отметил «простые красивые звуки музыки 18 столетия, и в моей душе как-то чувствовалась тесная связь их с салонной – более или менее аристократической жизнью века. Особенно у Гайдна это переходит в какую-то тесную, неразрывную связь». В музыке Баха, Генделя слушатель

Вернадский почувствовал «влияние «народной», – во всяком случае широкой, вековой церковной жизни, если не по форме, то по настроению» (отметим историзм и понимание стилистики музыки различных направлений).

Продолжая размышлять о музыке XVIII столетия, ученый-естественник приходит к мысли о разном ее восприятии в период создания и на рубеже XIX – XX веков – изменились инструменты, манера играть, иные слушатели воспринимают исполнителей. «Звуки не те и лишь один скелет их произведений сохраняется? Или как в «народной» песне и «народной» сказке старина вечно юная благодаря постоянной бессознательной переработке новыми поколениями передатчиков?» [9, с. 176-177].

Следует подчеркнуть актуальность и глубину этих мыслей сегодня, в начале XXI века, когда наплыв «массовой культуры» отодвинул, заслонил собой то искусство, ценность которого проверена временем, т.к. именно классическое искусство, как «народная» песня, «народная» сказка (а они основа классики), «старина вечно юная» – это понимал великий ученый Владимир Вернадский.

В письмах к Наталье Егоровне, в дневнике Вернадский с восторгом пишет о концерте венгерского дирижера и композитора А. Никиша, о том впечатлении, которое произвело исполнение Героической симфонии Бетховена, рапсодии Листа, произведений Вагнера: «Временами я совсем забылся, и мне казалось, что звуки проникают меня всего, и физически чувствую их не ухом, а всем существом».

Размышления о музыке Бетховена – и в дневниковой записи 25 февраля 1910 г. (Москва): ученого поразила игра «старого чешского квартета»: «Исполнение удивительно, а Бетховен всегда и неизменно производит сильное впечатление». Обращаясь к этой теме, Вернадский в своем описании воспроизводит и обстановку концерта, тем самым характеризуя сам дух эпохи – интеллигенции начала XX века – Серебряного века русской культуры: «Переполнено Дворянское собрание, масса знакомых. По словам доктора Бобкова – это мерка музыкальности в Москве. Многие с партитурой. Исполнение удивительное» [9, с. 236].

Размышляя о своеобразии человеческой личности, о различном восприятии произведений искусства, прежде всего музыки, Вернадский пишет не только о себе (изменилось отношение к Шуману), но и об И. В. Гёте, перед которым преклонялся.

В частности, в приведенной выше записи из дневника от 25 февраля 1910 г. об удивительном исполнении музыки Бетховена содержится размышление по поводу восприятия этой великой музыки, где в пример приводится Гёте: «Исполнение удивительно, а Бетховен всегда и неизменно производит сильное впечатление. Отчего не на всех? Вспоминается Гёте, который его не понимал всегда». Почему именно Гёте волновал Вернадского?

Прежде всего, личность великого немца, творчество которого отличается необычной многогранностью, что было очень близко Вернадскому, восхищавшемуся поэзией Гете, проникнутой глубоким философским смыслом, «художественным гением» и научными трудами ученого-натуралиста.

Вернадского привлекал синтетический подход поэта и ученого, что было свойственно самому мыслителю XX века. В личности Гете как бы слились два пути человеческого познания – наука и искусство.

В. И. Вернадский отмечал, что в основе научного и художественного творчества Гёте «лежало не только вдохновение, мысль, но прежде всего гармонически идущее действие...» [12, с. 269]. При характеристике стиля научных трудов Гёте Вернадский высказал интересные наблюдения о поэтической форме изложения научной мысли, что связал с древней формой научных трактатов, которые он назвал произведениями «натуралистов-летописцев».

В истории мировой культуры ученый XX века мог сопоставить с Гёте по характеру творческой деятельности всего два имени: Платона и Леонардо да Винчи. В одном из очерков он так отметил эту особенность: «Он так же, как и в художественном творчестве, в ней (т.е. в научной работе – прим. авт.) находит выражение смысла жизни... Гёте был весь проникнут – многократно и многокрасочно это высказывал – сознанием нераздельности и близости художественного и естественнонаучного творчества. Это был натуралист-художник...» [7, с. 93].

Имя Гёте Вернадский включил в ряд великих деятелей мировой художественной культуры: Гомер, Софокл, Данте, Шекспир, Бах, Бетховен, Чайковский, Вагнер, Гёте, Пушкин, Толстой.

Следует отметить, что в музыке В. И. Вернадского привлекали и производили глубокое впечатление произведения различных жанров и манер исполнения: симфоническая музыка («героическая» симфония Бетховена №3), камерная (квартет Шумана), оперная («Валькирии» Вагнера), органная (Бах в исполнении органиста в соборе), фортепиано и клавиесин (В. Ландовская) и другие.

Так, 1 августа 1900 г., будучи в Гааге, он пишет жене: «Вчера был в концерте в церкви – некоторые вещи на меня произвели сильное впечатление (особенно ария Баха – орган со скрипкой – в первый раз слышал), мне казалось, что эти звуки как-то проникают в меня глубоко-глубоко, что им ритмически отвечают какие-то движения души и все мое хорошее, сильное собирается в полные гармонии движения. Слышал знаменитую тройную фугу Баха – красоту ее сознаю, но она оставила меня холодным, может быть, вследствие, как мне казалось, сухой игры Коопмана на органе. Я совсем начинаю увлекаться музыкой – хочется ознакомиться с ее теорией» [10, с. 101].

23 августа 1900 г., Париж: «Вчера вечером был с Георгием в опере на «Валькирии» Вагнера. В общем, на меня произвело сильное впечатление — очень мужественная музыка, и мне хотелось бы еще раз услышать ее, чтобы понять и пережить то, что в первый раз отозвалось в душе моей большими штрихами» [10, с. 102].

Из письма к Н. Е. Вернадской от 19 сентября 1911 г., Берлин: «... Был в воскресенье на «Валькирии»: чудный оркестр, порядочные голоса. Может быть, сегодня или завтра вечером пойду в Филармонический концерт. Мне прямо нужно сейчас музыки».

Эпистолярные тексты великого ученого отразили его интерес не только к восприятию различных музыкальных произведений, но и к чтению литературных источников по истории музыки. Начиная с 1907 года, в России неоднократно гастролировала польская пианистка и клавиесинист Ванда Ландовская, играла она и

в Ясной Поляне для Л. Н. Толстого. Этой тематике была посвящена ее книга, попавшая в поле зрения В. И. Вернадского.

В дневнике (1909 г.) Вернадский записал: «На днях прочел Ландовской «Musique ancienne» – очень интересная и умная книга. Ландовскую слышал в Москве, и ее концерты дали мне большое наслаждение. Сейчас опять возвращаюсь к интересам, связанным с историей музыки... Чтения по истории музыки мне очень много дали, когда я готовился к курсу по истории науки, след остался в напечатанной статье «О научном мировоззрении».

В упомянутой статье Вернадский отметил: «Было бы интересно поточнее проследить влияние музыки на научную мысль» [13, с. 60-61].

О музыкальной атмосфере в доме Вернадских свидетельствуют и эпистолярные тексты его дочери Нины Владимировны Вернадской-Толль (письма-ответы на вопросы В. Неаполитанской, хранителя Кабинета-музея В. И. Вернадского). В семье Вернадских воспитывалась племянница Владимира Ивановича – Анна Сергеевна Короленко (Нюта). Нина Владимировна сообщает в своем письме: «Она жила у нас как старшая дочь, со времени смерти ее матери. Мой отец ее обожал и мы все тоже. Она была очень талантливая арфистка, очень самостоятельная и оригинальная. <...> Мой отец страшно интересовался всем, что она делала и думала. У нее было много друзей, и в последние два года ее жизни наша квартира была полна музыкантов и музыки» [14, с. 12-13].

Анна Короленко рано умерла. Владимир Иванович был обеспокоен сохранением памяти о ней. В дневниковых записях он упоминает Александру Васильевну Гольштейн – «Тетю Сашу»: «Сейчас опять возвращаюсь к интересам, связанным с историей музыки, к которым было больно подходить после смерти Нюточки. Она все уходила в эту область, отчасти, м[ожет] б[ыть], под моим влиянием, и разговоры с ней давали мне так много! Незадолго до большевиков хотел передать в Институт гр. Зубова оставшийся после нее небольшой капитал (5000) как начало фонда ее имени для приобретения сочинений по истории музыки. Не успел – удастся ли когда-либо? Так мало интереса к этим вопросам в Петр[ограде]: нет книг и нот для изучения.

<...> Уже в Киеве мне хотелось связать историю музыки с Киев[ской] дух[овной] ак[адемией], и я добился включения ее в записку объясн[ительную] историко-филол[огического] от[деления]. В Петрограде в Академии мне удалось этого сделать; говорили с Сергеем [Ольденбургом] и с Лаппой. Мой интерес пробудился в Париже, где под влиянием А. В. Гольштейн я ознакомился с концертами франц[узской] песни, в том числе и старинной, которые давал ее страстный поклонник и исследователь, кажется, Тьерсо (?). Затем слышал старых композиторов впервые в концертах Коланна, кажется, и затем, как будто, Франка» [15, с. 60-61].

Первое место среди музыкальных предпочтений В. И. Вернадского занимала классика. Н. В. Вернадская-Толль сообщала в одном из своих писем: «У нас был прекрасный рояль и арфа. <...> Какая была музыка? Классика. Отец любил Моцарта, Баха, Бетховена. <...> Раз я как-то была с отцом в Мюнхене на три дня. Мы все

время ходили по музеям и были на концерте. Играли, кажется, Вагнера, Бетховена и Бартока».

Но особенной любовью была русская музыка. Об этом тоже пишет дочь В. И. Вернадского: «Меня рано повели в театр. Первая опера была «Садко». Отец очень любил русскую музыку. Помню, что в Москве мы бывали у Ипполитова-Иванова...» [14, с. 122-131].

Изучая творческое наследие В. И. Вернадского, можно сделать вывод о глубоком воздействии искусства на творческий процесс ученого. Это выражается в многочисленных обращениях и отсылках к миру прекрасного и стремлении глубже проникнуть в область эстетического чувства. Помимо искреннего восхищения произведениями искусства, мыслитель всегда анализирует впечатления и делает в дневниках блестящие описания. Проводя параллели между научным и художественным творчеством Вернадский допускает единые законы развития религии, науки и искусства, как частей единой духовной культуры и истории развития человеческой мысли.

Список литературы

1. Берестовская Д. С., Синичкин А. В. Духовный облик В. И. Вернадского: культурологический анализ эпистолярного наследия // Ариал: Симферополь, 2013.
2. Вернадский В. И. Письмо В. В. Водовозову / В. И. Вернадский // Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 305.
3. Вернадский В. И. Памяти академика К. М. Бэра / В. И. Вернадский // Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 314.
4. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1886 – 1889. – М.: Наука, 1988. – 303 с.
5. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909 – 1940. – М.: Наука, 2007. – С. 36–37.
6. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1893 – 1900. – М.: Техносфера, 1994. – 368 с.
7. Мочалов И. И. В. И. Вернадский: Наука. Философия. Человек / И. И. Мочалов, В. И. Оноприенко. – М.: ИЧЕТ им. С. И. Вавилова, РАН, 2008. – 408 с.
8. Берестовская Д. С. Духовный облик В. И. Вернадского // Мыслители XX века о культуре / Диана Сергеевна Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2010. – 150 с.
9. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. – М.: Наука, 1981. – 350 с.
10. «Я не могу уйти в одну науку ...» (Из писем В. И. Вернадского к Н. Е. Вернадской) // Историко-биографический альманах. – Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988.
11. Бородин Л. Я. Художественные и этические грани творческой личности В. И. Вернадского / Л. Я. Бородин // Культура народов Причерноморья. 2002. – № 31. – С. 9–14.
12. Апанович Е. М. Вернадский – читатель / Е. М. Апанович // Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988.
13. Вернадский В. И. Дневники: 1917 – 1921: [кн. 2]. Январь 1920 – март 1921 / В. И. Вернадский. – К.: Наукова думка, 1997.
14. Вернадская-Толль Н. В. Штрихи к портрету / Н. В. Вернадская-Толль // Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – Т. 15. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 122–131.
15. Вернадский В. И. Дневники, 1920, март / В. И. Вернадский. – К.: Наукова думка, 1997.

Sinichkin A. V. World Art in the letters and diaries of Vernadsky // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 3. – P. 101-112.

The letters and diaries of the great Russian philosopher Vernadsky uncommon notes, reasoning and analysis of works of national and world art. In foreign travel was not limited to academic research interests and visiting museums, art galleries and monuments, attended the opera and reading imaginative literature. This article focuses on the nature of the impact of artistic culture on the formation of spiritual image scientist and the study of his aesthetic tastes and preferences.

Russian icons, Western European Renaissance painting, sculpture and architecture of ancient Greece and Rome, the classical music and literature – the most important topics to be discussed on the pages of epistolary scientists. The birth of scientific concepts, constant creative process combined with immersion in the world of art, creating a synthetic nature of his creative personality: theory, practical work on the organization of scientific work, reading fiction – Russian, Ukrainian, foreign, world music, enjoying nature - all merge together and It was reflected in epistolary texts, particularly addressed to his wife and children. In addition to the admiration art, thinker always analyzes the experience and makes brilliant descriptions in diaries. Drawing parallels between the scientific and artistic creativity Vernadsky allow common laws of religion, science and art, as part of a spiritual culture and the history of human thought.

Key words: the moral, political, moralism, moral demagoguery, symbolic violence.

References

1. Berestovskaya D., Sinichkin A., The spiritual image of Vernadsky: cultural analysis of the epistolary heritage. – Simferopol: Arial, 2013.
2. Vernadsky V. Letter V. Vodovozov / V. Vernadsky // Historical and biographical anthology series "Life of Great People". – T. 15. – M.: Young Guard, 1988. – P. 305.
3. Vernadsky V. Memory of academician K. Baer / V. Vernadsky // Historical and biographical anthology series "Life of Great People". – T. 15. – M.: Young Guard, 1988. – P. 314.
4. Vernadsky V. Letters N. Vernadskaya. 1886 – 1889. – Moscow: Nauka, 1988. – 303 p.
5. Vernadsky V. Letters N. Vernadskaya. 1909 – 1940. – Moscow: Nauka, 2007. – P. 36-37.
6. Vernadsky V. Letters N. Vernadskaya. 1893 – 1900. – Moscow: the Technosphere, 1994. – 368 p.
7. Mochalov I. Vernadsky Science. Philosophy. Man / I. Mochalov, V. Onopriyenko. – M.: Ichetu them. Vavilov, Russian Academy of Sciences, 2008. – 408 p.
8. Berestovskaya D. Spiritual make Vernadsky / D. Berestovskaya // The thinkers of the twentieth century about the culture. – Simferopol: IT "Arial", 2010. – 150 p.
9. Pages autobiography Vernadsky / comp. N. Filippova. – M.: Nauka, 1981. – 350 p.
10. "I can not go into a science ..." (Letters to Vernadsky NE Vernadskaya) // Historical and biographical anthology. – T. 15. – M.: Young Guard, 1988.
11. Borodina L. Artistic and ethical facets of the creative personality V. Vernadsky / L. Borodina // Culture of the Black Sea. 2002. – № 31. – P. 9 - 14.
12. Apanovich E. Vernadsky – reader / E. Apanovich // Historical and biographical anthology series "Life of Remarkable People". – T. 15. – M.: Young Guard, 1988.
13. Vernadsky Diaries: 1917 - 1921 [Vol. 2]. January 1920. – March 1921 / V. I. Vernadsky. – K., Naukova Dumka, 1997.
14. Vernadskaya-Toll N. Strokes to the portrait / N. Vernadskaya-Toll // Historical and biographical anthology series "Life of Remarkable People". – T. 15. – M.: Young Guard, 1988. – P. 122-131.
15. Vernadsky Diaries 1920, March / V. I. Vernadsky. – K.: Naukova Dumka, 1997.